

Накануне 25-летия театра им. Шевченко

Л. Ф. ДУБОВИК

Лесь Федорович Дубовик — один из основных режиссеров театра им. Шевченко — работает в коллективе свыше 20 лет. Здесь раскрылось во всей полноте своеобразие его дарования, на этой сцене были поставлены его лучшие работы — «Гибель эскадры» и «Васса Железнова», «Тевье-молочник» и «Талан».

От одной из первых постановок режиссера — «Господин де-Пурсоньяк» Мольера до готовящегося ныне «Генерала Ватутина», задуманного как эпопея победоносной борьбы народа против фашизма, прошло почти четверть века напряженного труда. Многие переопределил за эти годы режиссер. Творчество его стало направленной, целеустремленной, приобрело силу и зрелость, но в одном Дубовик остался прежним: как и в первые годы работы, по-юношески он любит театр, помолодому он неудовлетворен успехами, подобно новичку свободен от плена испытанных и усвоенных приемов.

Настойчивость в поисках, острота в решении, неутомимость в работе — все, что было характерно для Л. Дубовика два десятилетия назад, полностью сохранилось и сегодня. Изменилась направленность его усилий. В «Пурсоньяке» фантазия режиссера разменивалась на мелочи. Воскрешая на сцене комедию масок, он создал озорной, буффонский спектакль и к интриге мольеровского сюжета добавлял свою.

Теперь Дубовик стал собранным, но не сухим. Сохранив остроту театральной формы, он пользуется ею бережно и только в интересах самого спектакля, как страстного и образного выражения большой идеи.

Сила реалистического искусства заключается прежде всего в его замечательном свойстве образно раскрывать идеи, мысли, передавать их зрителям, запечатлеть в их сознании большую правду, высказанную от сердца, продуманную и прочувствованную.

С поисков этой большой правды и начинается Л. Ф. Дубовик работу над спектаклем. Вчитываясь в каждое слово пьесы, он раскрывает его смысл, проникает в идею произведения и намечает такую форму спектакля, которая помогает образно раскрыть замысел автора. Читая пьесу «Тевье-молочник», представляющую собой по сути серию новелл, режиссер усмотрел в них не только историю горькой жизни старика, над которым неустойно издевается судьба-злодейка, а утверждение оптимизма человека из народа, его непримиримости к успокоенным и сытым обывателям.

В «Талане» Старикого, который для своего времени был знаменательной вехой на тогдашней украинской сугубо-бытовой сцене, режиссер увидел не просто копию известной «Дамы с камелиями», а трагедию подлинного таланта, принужденного работать у маленького и злого антрепренера, драму актрисы, тоскующей по настоящему искусству, судьбу женщины из народа, которая в глазах «панков»

Заслуж. артист УССР Л. Ф. Дубовик. Фото Н. САВЧЕНКО.

была существом низшего чоряка.

Мысль постановщика работает напряженно и прежде всего в одном направлении: что хочет сказать он зрителю, какими средствами передаст он свой замысел? Идеальная направленность спектакля доходит не через голый лозунг. Она раскрывается в развитии спектакля, в том, как претворяют идею актеры в созданных ими образах, в умении режиссера найти такие детали, которые поведут зрителя по пути, проложенному театром. Если каждый актер в пределах общего замысла создает образ одного героя, то режиссер формирует образ всего спектакля.

Идейную направленность своих постановок Лесь Дубовик выражает в том романтическом стиле, который является основным творческим направлением шевченковцев. Реалистическая романтика театра — это героика истории нашего народа, величие подвига советского солдата, самоотверженный труд стахановца, пытливая настойчивость мысли новатора. Романтизм шевченковцев не уходит в заоблачные выси, не имеет ничего общего с выспренностью или крикливостью. Он весь в суровой простоте, выраженной в простой, ясной и образной форме. Именно так рождается романтическая приподнятость, лишенная ходульности, подлинная страстность без аффектации.

Многими разнообразными путями добивается режиссер правды в спектакле, меткости детали. Он всегда знает, чего хочет, что ищет. Волевое, рациональное начало, характеризующее его поиски, придает спектаклю стройность, направленность, соразмерность.

Л. Дубовик — тонкий мастер детали, сценической миниатюры, нередко лишенной слов, но освещающей словно луч прожектора весь эпизод, который вливается в общее русло спектакля. Те, кто видел у шевченковцев «Миссию мастера Перкинса», наверно помнят эпизод своеобразного подсчета военных долгов. Американец Перкинс под-

водит итог, сидя в колхозной избе за столом, уставленным посудой. Объясняя своему собеседнику финансовые дела, он постепенно перетягивает к себе всю посуду, желая подчеркнуть величину суммы. Его собеседник — простой крестьянин не спорит с мистером Перкинсом. Он начинает считать по-своему, он тоже пользуется рюмками, словно костышками счетов. И что же? Вскоре перед оторопевшим американцем не остается ни одной рюмки. Такой другой итог... Каждый раз, когда разыгрывается эта сцена, зрительный зал неизменно разражается аплодисментами. Деталь органически вошла в спектакль, помогла раскрыть текст.

В постановке «Гибели эскадры» есть эпизод, о котором в пьесе даже не упоминается. Его создал постановщик.

Настороженно, а то и прямо враждебно встретили Оксану на корабле. Слово не замечая, что она одним своим присутствием нарушает традиции военных моряков, не принимавших в свою боевую семью женщин, Оксана чувствует себя полноправным членом экипажа. Посланец большевистской партии, она указывает матросам единственно правильный путь революционной борьбы, выступая против анархических элементов, она срывает маски с врагов народа. И когда пуля провокатора заставляет ее умолкнуть навеки, кровь большевика, словно цемент, сплавляет экипаж.

Под спайом орудий, в тревожном и зыбком свете прожекторов моряки проносят своего вожака в последний путь. В торжественном безмолвии выстроился экипаж. Защищенное в брезент тело Оксаны будет по морскому обычаю брошено в море. Ее останки несут перед строем, и вот один из матросов срывает с себя бескозырку, передает ее соседу, она переходит из рук в руки по цепи, ее черные ленты, словно траурные флажки, полыхают на ветру. Проплыв по рукам через строй, она ложится на труп Оксаны. Вместе с ней уйдет в море головной убор, с которым не расстанется матрос. Так красочная деталь безмолвно рассказала, как еще недавно чужая экипажу Оксана стала членом боевой семьи.

Пьеса для Л. Дубовика — не повод для спектакля, а его основа. То, что драматург создал, театр должен воплотить в спектакле, построенном так, что все в нем направлено к раскрытию идеи — каждая фраза и любая деталь, игра актера и музыка, декорации и свет. Давно известно, что пьеса, идущая в театре, имеет по меньшей мере три варианта — первый написанный автором, второй, созданный театром, и третий, живущий в восприятии зрителей. Режиссер стремится создать на сцене такое произведение, в котором бы эти три варианта максимально сблизились.

Острое дарование Л. Дубовика, растущее от постановки к постановке, несомненно поможет шевченковцам создать новые яркие спектакли.

В. МОРСКОЙ.